

отлучится, ни за кого иного не посягать и до смерти пребывать в девической чистоте. И он ей с клятвой обещался, что хранить девичество ей.¹ Этот разговор состоялся в Цесарии, много времени спустя после бегства героев с разбойничьего острова.

Как видим, весь облик „российского матроса“ очень далек от „гишпанского шляхтича“, каким он изображен и в качестве атамана разбойников, готового совершить насилие над „прекрасной Елеонорой“. Сходство „Гистории“ о Долторне с „Гисторией“ о матросе Василии ограничивается, таким образом, чисто внешними чертами, и знакомством с этой переводной повестью самый процесс создания второй части „Гистории“ о матросе Василии объяснен быть не может. Как мы видели выше, русские сказки дали автору гораздо больше материала, и в идейном замысле „Гистории“ они оставили несравненно больший след.

Однако это не значит, что должно быть исключено знакомство автора „Гистории“ о Василии с рассказом о приключениях „гишпанского шляхтича“ Долторна. Возможно, что это знакомство сказалось на второстепенных подробностях „Гистории“, например, на описании бегства с разбойничьего острова в Цесарию, на изображении взаимоотношений Василия с цесарем. Мы убедились, что автор хорошо знал и другой роман — „Историю об Александре и Лодвике“. Таким образом, „Гистория“ о Долторне припоминалась автору отдельными своими эпизодами так же, как и другие авантюрно-романические повести, но нет никаких оснований видеть в ней готовый образец, по типу которого слагалась вторая часть „Гистории о российском матросе Василии“. Подлинными „источниками“ автора при описании приключений матроса были русские народные сказки, оставившие след и на лексике „Гистории“.

В литературной истории повести о матросе Василии совершенно особое место занимает текст, сохранившийся в списке Калининского областного музея.² Этот текст представляет собой своеобразную обработку повести, сделанную читателем, который заинтересовался не теми сторонами повести, которые связывали ее содержание с определенной эпохой (реалии петровского времени) и приурочивали его к географически определенным местам. Этот читатель сосредоточил свое внимание на сказочной стороне приключений героя и на психологических элементах повествования. Поэтому он усилил занимательность рассказа, добавив от себя сказочные подробности (например притчу о камнях); подчеркнул чувствительность в речах Василия, его голландского хозяина, Ираклии; при каждом подходящем случае описал душевное состояние действующих лиц. Повесть, в ее первоначальном виде воспроизводящая немало бытовых черт петровского времени, становится ближе к сказкам и приключенческим романам, число которых всё увеличивается в течение XVIII века. Сохранившийся список середины XVIII века не лишен уже описок, ошибок и представляет, очевидно копию с обработки петровской повести, сделанной не позднее второй четверти XVIII века. Существенные отличия этой обработки от ее оригинала характеризуют литературные вкусы новой читательской среды, и этим усиливается значение публикуемого ниже текста.

¹ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 14—15.

² Небольшая часть повести о матросе Василии по рукописи Калининского областного музея была опубликована в журнале „В наши дни“, 1936, № II, стр. 134—141: „История о российском матросе Василии (Критском)“, по рукописи Калининского музея. [Глава о пребывании Василия на разбойничьем острове]. Полностью список публикуется впервые.